

С. Глаголев

По вопросам логики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С11

С11 **С. Глаголев**
По вопросам логики / С. Глаголев – М.: Книга по Требованию, 2018. – 225 с.
ISBN 978-5-458-54345-3

ISBN 978-5-458-54345-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИСХОДНЫЯ НАЧАЛА ЛОГИКИ.

Логика есть наука о мышленіи, какъ орудіи познанія. Мышленіе есть прежде всего душевная дѣятельность и, какъ и всякая душевная дѣятельность, является предметомъ изученія для психологіи. Издавна психологія различаетъ въ душѣ три душевныя силы: умъ (способность мышленія въ широкомъ смыслѣ), сердце (способность чувствованій) и волю (способность опредѣленій или рѣшеній). Эти три силы практически нераздѣлимы и соучаствуютъ въ каждомъ самомъ элементарномъ психическомъ актѣ. Простѣйшій элементъ душевной жизни есть ощущеніе. Ощущеніе, чтобы быть психическимъ актомъ, должно сознаваться, затѣмъ всякое ощущеніе воспринимается или какъ пріятное или какъ непріятное. Степень такой пріятности или непріятности можетъ быть очень ничтожною, неуловимою, но она всетаки всегда есть, и собразно съ этимъ воля желаетъ или сохранить или уничтожить чувствованіе, вызванное ощущеніемъ. Нельзя испытывать непріятное чувствованіе и не желать его удаленія, но чувствованіе и желаніе удаленія чувствованія, въ одушевленномъ существѣ непремѣнно формируются въ мысль. Нераздѣлимые на практикѣ мысль, чувство и воля должны непремѣнно быть раздѣляемы въ теоріи. Мы не можемъ изучать предметъ—въ данномъ случаѣ душу—сразу со всѣхъ сторонъ, мы должны мысленно расчленивъ данный объектъ изученія, должны особо изслѣдовать его отдѣльныя стороны, чтобы потомъ, изучивъ ихъ взаимоотношеніе, представить себѣ образъ цѣлаго предмета по-

этому и изслѣдованіе мышленія составляетъ всегда особый отдѣлъ въ психологіи. Но психологія, изучая мышленіе, какъ дѣятельность субъекта, не имѣетъ своею прямою задачею изслѣдованія отношенія продуктовъ этой дѣятельности къ объектамъ. Мысль всегда есть мысль о чемъ либо. Очень часто мысль есть опредѣленіе неизвѣстной части предмета по извѣстной, нахожденіе по данному А веданнаго В. Поверхности никогда не измѣряются непосредственно. Измѣряются ограничивающія ихъ линіи, углы, подъ которыми встрѣчаются эти линіи, принимается въ расчетъ законъ образованія самихъ поверхностей, если онѣ не плоскія. И по этимъ даннымъ, совокупность которыхъ можно назвать А, опредѣляютъ то, что не измѣрено и не дано—площадь поверхности, которую можно обозначить черезъ В. Образованіе мыслей, законы ихъ образованія должна изслѣдовать психологія, но спеціальною задачею психологіи не можетъ быть изслѣдованіе отношенія этихъ мыслей къ дѣятельности, рѣшеніе вопроса о томъ, насколько правильно въ первыхъ отражается вторая и затѣмъ въ задачу психологіи никоимъ образомъ не входитъ установленіе такихъ правилъ и нормъ, при слѣдованіи которымъ дѣйствительность отражалась бы въ мышленіи наилучшимъ образомъ. То и другое составляетъ предметъ и задачу логики. Логика изслѣдуетъ мышленіе въ его отношеніи къ бытію. Для психологіи мышленіе есть послѣдняя цѣль изслѣдованія, для логики мышленіе въ сущности есть исходный пунктъ: психологія хочетъ знать только міръ мысли, а логика хочетъ знать мысль только въ ея отношеніи къ міру. Таково въ наиболѣе рѣзкой формѣ различіе между логикой и психологіей, но, помня это различіе, не должно забывать ихъ тѣснаго родства: весь свой матеріалъ логика беретъ изъ психологіи; въ концѣ концовъ логика всетаки представляетъ только развитіе одного изъ отдѣловъ психологіи и приложеніе этого отдѣла къ практическимъ цѣлямъ. При обсужденіи взаимоотношенія логики и психологіи особенно удобно видѣть и ту тѣсную связь, которая существуетъ между различными научными дисциплинами, и тѣ затрудненія, которыя вызываютъ попытки поставить науки въ отношеніе взаимнаго

подчиненія. Логика беретъ свой матеріалъ изъ психологіи. Изъ этого повидимому слѣдуетъ, что логика подчинена психологіи, стоитъ въ зависимости отъ нея, а психологія независима отъ развитія логики, подобно, напримѣръ тому, какъ развитіе физики зависитъ отъ развитія математики, а развитіе математики можетъ идти независимо отъ физики. Но на самомъ дѣлѣ въ области психологіи и логики мы видимъ не то. Психологія есть система мыслей и представленій о чловѣческомъ духѣ. Цѣнность этихъ представленій зависитъ отъ ихъ соответствія дѣйствительности. Но это соответствіе должно достигаться тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе строгіе логическіе методы были приложены къ психологическимъ изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ, логика оказывается не только обусловливаемою психологіей, но и обусловливающею психологію. Успѣхи логики зависятъ отъ разработки психологіи, но и успѣхи психологіи зависятъ отъ разработки логики. Такимъ образомъ здѣсь, какъ и вездѣ въ области науки, какъ въ сущности и во взаимоотношеніяхъ физики и математики, мы видимъ, царствуетъ не начало подчиненія, а принципъ взаимопомощи. Какъ и многія науки, многіе логику опредѣляютъ различно. Это различіе опредѣленій не всегда показываетъ на различіе въ пониманіи дѣла. Задача научнаго опредѣленія состоитъ въ томъ, чтобы въ наиболѣе краткой формѣ указать наиболѣе характерный признакъ предмета. Эта задача при единствѣ предмета допускаетъ различныя, имѣющія различную степень удовлетворительности, рѣшенія. Но должно признать, что есть различіе и въ пониманіи задачъ и существа логики. Такъ многіе настаиваютъ на томъ, что логика есть наука чисто формальная, что она обсуждаетъ только формулу умозаключеній, разсужденій, что, изслѣдуя посылки по формѣ, она не можетъ считаться съ матеріаломъ этихъ посылокъ. Я думаю, что такой взглядъ основывается на недоразумѣніи. Дѣйствительно, если намъ дано умозаключеніе правильное по формѣ, мы говоримъ, что его выводъ правиленъ формально, хотя фактически онъ можетъ быть и ошибоченъ. Положимъ такое умозаключеніе: если кто начинаетъ дѣло въ пятницу, то оно ему не удастся; я началъ дѣло изученія логики въ пятницу, слѣ-

довательно, оно мнѣ не удастся. Само по себѣ это умозаключеніе правильно, но логика не помирится съ нимъ. Первая посылка въ этомъ умозаключеніи—дѣла, начатыя въ пятницу не удаются—требуетъ логическаго обоснованія: почему съ понятіемъ пятницы соединяется понятіе неудачи. Нельзя доказать и не доказано теоретически, что съ наступленіемъ пятницы наступаетъ дѣйствіе какой то силы, противодѣйствующей начинаніямъ. Остается еще логическій анализъ данныхъ опыта о результатахъ начинаній, произведенныхъ въ пятницу, они сравниваются съ результатами начинаній въ другіе дни, причемъ самыя сообщенія объ этихъ результатахъ должны подвергаться логическому анализу—они могутъ быть противорѣчивы, подозрительны и т. д. Въ концѣ концовъ логическій анализъ устанавливаетъ фактъ, что нельзя найти связи между пятницею и удачею и неудачею нашего дѣла. Поэтому, заботясь объ удачѣ, я долженъ искать себѣ опоры не въ счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ, а въ собственномъ трудолюбіи. Въ эпоху среднихъ вѣковъ однажды въ какой то области Германіи распространился слухъ, что родился ребенокъ съ золотымъ зубомъ. Было немедленно предложено множество истолкованій этого событія—истолкованій не кавзалистическихъ, а телеологическихъ, говорили не о причинѣ, а о цѣли событія, усматривали въ немъ знаменіе, пророчество, прообразъ будущаго. Было ли это логически правильнымъ отношеніемъ къ дѣлу? Конечно, нѣтъ; логика требовала прежде всего логической провѣрки слуха о фактѣ. И если мы вездѣ, гдѣ это требуется дѣломъ, будемъ восходить логическимъ путемъ до послѣднихъ основаній—общепринятыхъ истинъ, аксіомъ, непосредственныхъ ощущеній, воспріятій или провѣренныхъ наблюденій, то логическая правильность нашихъ выводовъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правильностью матеріальною. Г. Спенсеръ представилъ объясненіе, почему птицы, никогда не выдавшія человѣка, пугаются при его появленіи. Онъ предложилъ, что отдаленные предки этихъ птицъ имѣли дѣло съ человѣкомъ, они не боялись его, становились его добычею и гибли, въ другихъ почему то являлся спасительный страхъ, онѣ удалялись отъ человѣка, жили и размножались въ безопасности, причемъ наи-

болѣ пугливыя изъ нихъ переживали въ борьбѣ за существованіе, и укрѣпившійся въ ряду поколѣній страхъ передъ человекомъ сдѣлался наслѣдственнымъ и сохранялся даже тогда, когда не встрѣчался объектъ страха—человѣкъ. Дѣло вкуса—признать это объясненіе хорошимъ или плохимъ, но вотъ Хэдзонъ—ислѣдователь южно-американской природы—показалъ, что не существуетъ самого факта, что при первомъ появленіи человѣка на необитаемыхъ мѣстахъ птицы, оказываются, вовсе не боятся его. Логика, мнѣ думается, требовала отъ Спенсера, чтобы онъ отнесся къ факту нѣсколько иначе, чѣмъ такъ, какъ онъ отнесся дѣйствительно, тогда бы и не явилось объясненія несуществующаго факта. Было уже сказано, что операціи мышленія въ значительной степени состоятъ въ томъ, что по извѣстному А дѣлается заключеніе о неизвѣстномъ В. Но, вѣдь, папередъ само А должно быть установлено, оно опредѣляется С, С тоже должно было рассмотрѣно и такъ далѣе до послѣднихъ возможныхъ основъ. Задача логики опредѣлить и установить методы для полученія выводовъ правильныхъ не только по формѣ, но и по содержанію (по матеріи). Она изслѣдуетъ условія правильного познанія, т. е. такого, содержаніе котораго отвѣчаетъ дѣйствительности. Это—цѣль логики. Обращаясь отъ ея цѣли къ ея исходному началу, мы видимъ, что таковымъ являются *опытныя* (фактическія) данныя о нашемъ мышленіи. Логику уподобляютъ наукамъ математическимъ, которыя считаютъ строго формальными, развивающимися a priori изъ самихъ себя. Это утвержденіе нельзя признать вполне справедливымъ и о математикѣ. Но логика рѣзко различается и отъ математическихъ наукъ. Если бы мы захотѣли дѣлать выводы только тогда, когда они съ необходимостью слѣдуютъ изъ основаній, т. е. выводы математическаго характера, мы остались бы совсѣмъ почти безъ выводовъ. Мы составляемъ характеристику лица на основаніи его дѣйствій и словъ,—какъ строятся историческія характеристики. Съ математической точки зрѣнія мы рѣшаемъ на основаніи недостаточнаго матеріала, по одному уравненію хотимъ найти нѣсколько неизвѣстныхъ ($X+Y+Z=A$), но опытъ принуждаетъ насъ поступать такъ, и логика рекомендуетъ подчиняться необходимости.

Построя умозаключенія на недостаточныхъ данныхъ, мы признаемъ на помощь и чувство и волю, въ умозаключеніяхъ характера формальнаго—въ математическихъ выкладкахъ—чувство не оказываетъ на выводы никакого вліянія. Въ сужденіяхъ религіозныхъ, судебныхъ, практическихъ чувство является могучимъ факторомъ, и мы увидимъ, что логика не имѣетъ права его игнорировать.

Мы опредѣлили, что такое логика, чѣмъ она должна быть, но можетъ ли вообще она быть? Чѣмъ обуславливается возможность логики? Она обуславливается тѣмъ же, чѣмъ обуславливается возможность всякой науки и возможность всякой практической дѣятельности—*признаніемъ факта соответствія между мышленіемъ и бытіемъ*. Всякій выводъ, всякое умозаключеніе представляетъ собой построеніе факта а priori. Умозаключенія это суть антиципаціи (предвосхищеніе) фактовъ.

Эти антиципаціи необходимы для жизни. Если бы между мыслью и дѣйствительностью не было соответствія, тогда была бы невозможна жизнь. Маленькое перышко могло бы насъ убивать, ударъ свинцовой гири оказывался бы безрезультатнымъ. Могло бы быть, что мы разбивали голову о пустоту и безнаказанно проходили сквозь каменные стѣны. Несоответствіе между ожидаемыми нами перемѣнами и перемѣнами дѣйствительными дѣлало бы невозможнымъ съ нашей стороны приспособленіе къ средѣ и имѣло бы своимъ слѣдствіемъ нашу гибель. Если теперь часто мечты юности жестоко разбиваются о суровую прозу жизни, то тогда бы сама жизнь, если бы только она возникла, непрестанно сокрушалась о дѣйствительность. Только при соответствіи мысли и дѣйствительности возможна жизнь. Но однако для возможности жизни не требуется безусловнаго соответствія, нужно соответствіе во многомъ, въ главномъ, въ существенномъ. Наше мышленіе предусматриваетъ дѣйствительность, мы предызображаемъ себѣ будущее и дѣйствуемъ сообразно съ этими предызображеніями. Приѣзжая въ Москву, я соображаю, гдѣ я найду около вокзала извозчика, за какую цѣну онъ меня повезетъ, во сколько минутъ доставитъ до желательнаго мѣстнаго пункта. Подѣзжая къ знакомымъ мѣстамъ, мы заранѣе ждемъ, какъ

покажутся знакомы колокольни, зданія. Вообще мы нерѣдко предвидимъ то, что увидимъ, но во 1) многого мы не предвидимъ, а во 2) нерѣдко наши предвидѣнія не оправдываются, мышленіе не совпадаетъ съ дѣйствительностью. Положимъ мнѣ задали задачу: найти число, которое будучи умножено само на себя, равнялось бы двумъ. Я говорю себѣ: это число не 2, потому что $2 \times 2 = 4$ и не 1, потому что $1 \times 1 = 1$, это число 1 съ дробью. Полагаю его $= 1\frac{1}{2}$. Умноженное само на себя оно $= (\frac{3}{2})^2 = \frac{9}{4} = 2\frac{1}{4}$. Нужно, очевидно, брать меньшее число. Полагая его $1\frac{3}{8}$ получаю $(\frac{11}{8})^2 = \frac{121}{64} = 2 - \frac{7}{64}$; ошибка въ другую сторону и уже меньше предыдущей. Полагаю далѣе $= 1\frac{7}{16}$; $(\frac{23}{16})^2 = \frac{529}{256} = 2 + \frac{17}{256}$; далѣе $1\frac{13}{32}$; $(\frac{45}{32})^2 = 2 - \frac{23}{1024}$; при каждомъ дальнѣйшемъ приближеніи ошибка становится все меньше и меньше. Естественнo подсказывается выводъ, что, двигаясь въ области приближеній далѣе и далѣе, мы наконецъ найдемъ такую неправильную дробь, которая, будучи умножена сама на себя, дастъ ровно 2. Но этотъ выводъ не вѣренъ. Такого числа не существуетъ и не можетъ существовать. Мое соображеніе о томъ, что такое число существуетъ и его можно найти, оказывается не соответствующимъ дѣйствительности, никакая дробь, умноженная сама на себя, не можетъ равняться цѣлому числу. А между тѣмъ мое разсужденіе представлялось мнѣ такимъ простымъ, яснымъ и убѣдительнымъ, и самый случай чрезвычайно простъ. Но жизнь задаетъ задачи неизмѣримо болѣе трудныя, и человѣческая мысль, оказывается, запутывается въ нихъ. Предположенія не сбываются. Сколькимъ людямъ сегодняшний день принесетъ неудачи, разочарованія, обманы или, что еще хуже, прямыя несчастія: внезапную болѣзнь, потерю денегъ, мѣста или даже большаго. Сколько людей встрѣтило сегодняшний день съ улыбкой свѣтлыхъ надеждъ и проводитъ его со слезами отъ неожиданно постигшаго горя. Причина этого кроется въ несовершенствѣ духовныхъ силъ человѣка, въ несовершенствѣ его познавательныхъ способностей, въ несовершенствѣ его мышленія.

Между мыслящимъ духомъ и физическою природою есть и соответствіе и несоответствіе. Принципіально однако ме-

жду ними открывается соотвѣтствіе, и на этомъ утверждается и познаніе и жизнь. Дѣятельность мышленія есть процессъ, которымъ имѣется въ виду всегда достигнуть какой либо цѣли. Явленія природы это суть тоже процессы, которыми всегда достигаются какіе либо результаты. Наступила осень, вмѣстѣ съ нею является грязь. Прослѣдимъ за человѣкомъ, пробирающимся по грязи, онъ пытается выбирать мѣста, сравнительно менѣе грязныя, онъ ищетъ путь наиболѣе удобный, хочетъ двигаться по линіи наименьшаго сопротивленія. Посмотримъ на молнію, какъ движется она отъ одного пункта къ другому? Не произвольно, не какъ попало, а по линіи наименьшаго сопротивленія. Еслибы всѣ пути, ведущіе отъ точки А къ В,—конечные пункты грозового разряда—были бы одинаковы, молнія пошла бы по прямой. Такъ двигается и человѣкъ на удобномъ пути. Но прямой путь не всегда кратчайшій. Тогда человѣкъ выбираетъ удобнѣйшую дорогу; такъ поступаетъ и молнія. Посмотримъ на человѣка, спускающагося съ горы, и затѣмъ рассмотримъ путь ручья, спадающаго съ горы на долину. Ручей, какъ и путникъ, не направляются по прямому направленію: они выбрали удобнѣйшій путь. Движеніе молніи, теченіе ручья совершаются по законамъ природы. Наши дѣйствія, аналогичныя этимъ явленіемъ, опредѣляются нашимъ мышленіемъ, законами нашего мышленія. Между законами природы и законами мышленія открывается параллелизмъ. Можно сказать, что законы природы, это—мышленіе природы. Мы сами можемъ быть названы произведеніемъ природы. Мышленіе природы произвело наше мышленіе, мышленіе природы опредѣлило природу нашего мышленія. Поэтому изученіе природы нашего мышленія должно насъ вести къ уразумѣнію мышленія природы. Можно привести примѣры, гдѣ имѣется на лицо вся видимость мышленія, и гдѣ на самомъ дѣлѣ мышленіе отсутствуетъ и дѣйствуетъ лишь природа. Если раздражать кожу на ногѣ лягушки, у которой спинной мозгъ перерѣзанъ, то лягушка цѣлесообразно отдернетъ ногу. Принимая во вниманіе цѣлесообразность дѣйствія лягушки, мы должны бы допустить, что оно вызвано непріятнымъ ощущеніемъ раздраженія, но законъ о потерѣ чувстви-

тельности заставляет насъ утверждать, что это дѣйствіе совершенно ею безсознательно. Далѣе, если на кожу лягушки, несомнѣнно лишенную чувствительности, вслѣдствіе разобщенія съ нервными центрами, полить уксусной кислоты или уксусу, то лягушка подниметъ конечность съ той же стороны тѣла и лапкой начинаетъ стирать уксусную кислоту. Если загнуть эту конечность такъ, что лягушка не будетъ имѣть возможности употреблять ее въ дѣло, то она мало по малу начинаетъ шевелить лапкой противоположной стороны, обведетъ ее около тѣла и будетъ ею тереться. Далѣе: вынемъ у лягушки мозговья полушарія; несомнѣнно, что способность ощущеній будетъ ею потеряна, она ничего не видитъ, не слышитъ, скорѣе умретъ съ голода, чѣмъ схватитъ что нибудь, хотя, если пищу положить ей прямо въ ротъ, она ее проглотитъ. Но любопытно, если ее посадить на ладонь, то она усядется спокойно, поджавъ ноги. Если начать наклонять руку, то лягушка задвигаетъ передники лапами къ краю руки, она начнетъ влѣзать съ большею осторожностью и разсудительностью, подвинетъ лапки одна за другой и остановится наконецъ въ полномъ равновѣсіи. Такъ и кажется, что за всѣми этими дѣйствіями скрывается разсужденіе, которое влагаетъ въ уста лягушки Гексли, у котораго заимствованъ приведенный примѣръ: „мнѣ неловко; я чувствую, что скольжу; поэтому я выставляю лапки впередъ, чтобы укрѣпиться. Зная, что я упаду, если не подвину ихъ, я подвигаю ихъ впередъ, и воля моя порождаетъ всѣ тѣ превосходныя приспособленія, результатомъ которыхъ будетъ мое безопасное положеніе“ (Гексли. Автоматы ли животныя? Природа. 1875 г. кн. I, стр. 30—31). Но несомнѣнно, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ лягушка не разсуждала и не могла разсуждать. Гораздо раньше чѣмъ фізіологическія лабораторіи сдѣлали лягушекъ истинными мучениками науки, въ философіи возникла теорія, что всѣ мыслительные процессы и соединенныя съ ними волевые опредѣленія на самомъ дѣлѣ могутъ быть исключительно механическими актами. Это воззрѣніе развили Декартъ. Для всѣхъ фізіологическихъ явленій онъ предлагалъ механическія объясненія, и за тѣми дѣйствіями животныхъ, за которыми мы

предполагаемъ психическія состоянія и разсудочные акты, онъ не предполагалъ ничего. Всѣ такія дѣйствія онъ объяснялъ теоріей отраженныхъ движеній, т. е. рефлексовъ: движеній *undulatione reflexa*. Такъ, на примѣръ, при видѣ страшнаго предмета, изображеніе котораго образуется въ мозгу, говоритъ Декартъ о человѣкѣ, животныя силы нервной жидкости, отраженныя изображеніемъ, направляются отчасти въ тѣ нервы, которые служатъ для того, чтобы повертываться спиной къ предмету и двигать ноги такъ, чтобы убѣгать. У другихъ лицъ, которыя имѣютъ храбрый темпераментъ. жизненные силы, отраженныя изображеніемъ, могутъ войти въ поры мозга, которыя ихъ приводятъ къ нервамъ, способнымъ двигать руки, чтобы защищаться и, такимъ образомъ, проявлять храбрость. Изъ этого Декартъ заключалъ, что если бы человѣкъ обладалъ достаточными знаніями, онъ могъ бы сдѣлать автомата, совершающаго всѣ функціи человѣческаго тѣла и способнаго даже отвѣчать криками и движеніями на удары и угрозы. Декартъ приводилъ при этомъ такое сравненіе. Во вкусѣ его времени было устранивать въ княжескихъ садахъ гроты и фонтаны, въ которыхъ только одна сила воды заставляла машины двигаться, играть на инструментахъ и даже произносить слова. Входили въ гротъ, и купающаяся Діана убѣгала. Декартъ сравнивалъ нервы съ трубами машинъ въ этихъ фонтанахъ, мускулы и сухожилія съ различными снарядами и пружинами, служащими для того, чтобы ими двигать нервную жидкость съ водой, которая приводитъ ихъ въ движеніе. Внѣшніе предметы, которые однимъ своимъ присутствіемъ дѣйствуютъ на органы чувствъ и которые этимъ способомъ опредѣляютъ различнаго рода движенія, похожи на тѣхъ незнакомцевъ, которые, входя въ эти гроты, сами причиняютъ, не думая объ этомъ, движенія, которыя происходятъ въ ихъ присутствіи, потому что они не могутъ туда войти безъ того, чтобы не ходить по нѣкоторымъ плитамъ, тамъ расположеннымъ, что онѣ производятъ то или другое движеніе (Фулье, Декартъ. Переводъ подъ редакц. Грота 1894). Декартъ иллюстрировалъ свою теорію примѣрами на человѣкѣ, но онъ приложилъ ее только къ животнымъ. Чувства гнѣва и страха,